

Фэн Жун и Пятый принц быстро обо всем сговорились и, взяв с собой Фэнцзи, ушли в сторону императорского дворца. О визите к Первой принцессе обычно оповещали за несколько дней, но Фу Ичжэнь оставался ее родным братом, к тому же пользующимся теплым отношением девушки: подобными формальностями в этот раз можно было пренебречь. Двух даосов, строго взглянув на них, Пятый принц решил оставить с Ли Инчунем. Всем своим видом, от высокомерно вздернутых носов расшитых черными лентами сапог до лучащегося подозрением лица Фу Ичжэнь показывал, что Ли Инчуню не верит и следит за ним точно так же, как за беглым преступником. Ли Инчуню было все равно: за годы заключения он к подобному отношению притерпелся. Дело с Первой принцессой грозило затянуться на несколько дней, в течение которых даосы будут маячить рядом: Ли Инчунь и их предпочел игнорировать.

Даже когда даочжан Чжунчу и даочжан Ян помогали ему добраться до собственного двора, позволив откинуться на совсем не по-старчески крепкие плечи, Ли Инчунь смотрел словно сквозь них. Следуя совету Пятого принца, заклинатели сначала к юноше относились опасливо, но быстро расслабились, глядя на его отрешенное поведение, и перестали следить за своими движениями и выражениями лиц. Улучив момент, Ли Инчунь четко рассмотрел, что морщины в уголках глаз и ртов даочжана Чжунчу и даочжана Яна настоящие, а седые волосы ничем не подкрашены: если это были не легендарные маски из человеческой кожи, гуляющие по цзянху, Ли Инчунь был уверен, что старики действительно являются стариками.

И все же было в них нечто странное: доведя Ли Инчуня до его излюбленной веранды, где у заросшего сада можно было любоваться скорым течением жизни, и принеся ему книгу, даосы отошли в главную комнату. Говорили они тихо, но во всем павильоне не было больше других людей и слышался только тихий шепот ветра — Ли Инчунь, привыкший к любому шороху вокруг себя чутко прислушиваться, их разговор смог разобрать от первого и до последнего слова.

— Колени ломит, — пожаловался даочжан Чжунчу и звонко отхлебнул чая. Через время он продолжил: — И спина будто деревянная. А уж пальцы рук — сказать страшно, — не гнутся. Думаю, я клинок сейчас не удержу...

— Это тебе так кажется, — ответил даочжан Ян. Он был собраннее и спокойнее собрата, постоянно его одергивал, но и в нем Ли Инчунь чувствовал простоту и наивность.

— Нет, брат Вэньян, говорю тебе, — не унимался даочжан Чжунчу. Зашуршали одежды: кажется, даос распахнул их, чтобы что-то продемонстрировать. — У меня и кожа плохой стала, смотри, какая сухая и синяки появляются от легкого прикосновения...

— Сдурел что ли, прикройся! — возмутился даочжан Ян. — Чему ты удивляешься? Лицо свое видел?

Даочжан Чжунчу горестно отозвался:

— Да видел: хочешь не хочешь, а каждое утро смотрю...

— Прекращай ныть, — отозвался даочжан Ян. — Шисюн что-нибудь придумает, а до тех пор нам просто потерпеть надо.

— А если не придумает?.. — нерешительно спросил даочжан Чжунчу. Раздался глухой хлопок, а после он обиженно воскликнул своим хриплым, старческим голосом: — За что?!

— А что б ерунду не болтал! Шисюн сказал, что разберется, значит так и будет! А продолжишь бред нести — отошлю тебя к учителю: сам как хочешь, так и объясняйся!

Сами даосы выглядели уже древними стариками, у учеников которых должны были быть теперь свои ученики: упоминание их учителя, что давно должен был отправиться в путешествие к горе Утайшань, звучало в самом деле зловеще. Некоторое время даочжан Чжунчу молчал, смущенный отповедью, но затем обиженно пробормотал:

— В молодости ты, брат Вэньян, таким не был, а теперь с тобой вообще говорить нельзя...

— Я тебя!.. — раздраженно воскликнул даочжан Ян и послышалась возня: кажется, в комнате даосы гонялись друг за другом, чтобы поколотить. Впрочем, их жалобы на больные колени не были пустым нытьем и очень быстро Ли Инчунь услышал, как тяжело задышали двое. Сил дурачиться у них больше не было: и все же даочжан Чжунчу не вернулся к соученику, а вышел, подальше от него, на веранду, где делал вид, что погружен в чтение, Ли Инчунь.

Даочжан Чжунчу остановился у самого края порога, понаблюдав за юношей, покачиваясь на носках и заложив руки за спину, а затем обратил взгляд к саду. Именно в этот момент за стеной, что отделяла Сад камелий от кухни, вдруг раздался странный звук.

Похож он был более на пронзительный крик птицы или детский плач: только прислушавшись становилось понятно, что это хрипло мяукает где-то под стеной котенок. Даочжан Чжунчу заозирался:

— Где это?..

Пусть слова даоса ни к кому обращены не были и бормотал он себе в бороду, Ли Инчунь, не отрывая взгляда от книги, ответил:

— За стеной.

— Там чей-то двор? — спросил даочжан Чжунчу и тут же жалостливо нахмурился. — Чего котенок так кричит? Его бросили?

— Кухня. И не бросили, а нашли, — также холодно ответил Ли Инчунь. Под пытливым взглядом даочжана Чжунчу, который оказался неожиданно ярким, он отложил книгу и объяснил: — Служки где-то на границе поместья отыскивали брошенного котенка и принесли его туда, чтобы

выходить. Пока они на кухне возятся — он молчит, но как оказывается один в обед — начинает кричать, — Ли Инчунь раздраженно вздохнул. — В ушах от него уже звенит.

На самом деле плакал котенок не только днем, пока на кухне никого не было, но и ночью. Именно в стилой темноте впервые Ли Инчунь услышал его слабый голос. Он быстро понял, что это за котенок и откуда он взялся, но до этого момента ничего сделать с пронзительными, ранящими сердце криками не мог: сам он даже ходить был не в состоянии без чужой помощи, а приказывать Фэнцзи перелезть через стену, чтобы утихомирить котенка, даже с бесстыдством юноши казалось неправильным. Теперь же, однако, в подчинении Ли Инчуня было два даоса, которые, пусть и жаловались на больные колени, двигались довольно шустро и обладали внушительной внутренней силой.

Даочжан Чжунчу не мог согласиться с раздраженным высказыванием Ли Инчуня: он обернулся к стене и ответил:

— Он, наверное, голодный, или забрался куда-то, откуда сам выбраться не может...

В это время, услышав разговор, на веранду вышел даочжан Ян. Он тоже нахмурился от пронзительного голоса котенка и, быстро оценив выражение его лица, Ли Инчунь махнул рукой:

— Простите, даочжаны, отсюда этого звереныша никак не заткнуть. Потерпите немного: как вернется Фэнцзи, я прикажу ей сходить на кухню и отнести его куда подальше.

— Он вовсе не мешает, интересно просто, что стряслось, — быстро ответил даочжан Чжунчу. Даочжан Ян прищурился:

— А отчего нас не попросить? Мы тоже до кухни дойти в состоянии.

— Не стоит утруждаться, не стоит, — милостиво махнул рукой Ли Инчунь. — К тому же, вы люди Пятого принца и нехорошо будет, увидь вас тут кто-то с дурными намерениями — не объяснишься потом. А через стену лезть слишком сложно.

Даочжан Ян нахмурился глубже:

— Отчего ж сложно?

— Ну... — Ли Инчунь замялся, с ног до головы осмотрев своих новых знакомых. Облачены они были с простые монашеские рясы, седые волосы убраны в аккуратные пучки на затылках, а бороды скрывают черты лиц. И даже несмотря на то можно было заметить, что даочжан Ян ниже и лицом обладает более миловидным, тогда как даочжан Чжунчу более похож на деревенского увальня и с путем постижения дао будто совсем не связан. Ли Инчунь, словно не мог подобрать слов, растерянно улыбнулся: — В вашем возрасте стоит уже побереечь себя.

Теперь нахмурились оба даоса: отчего-то упоминания о почтенном возрасте их очень задевали. Ли Инчунь предполагал, что, стоит их немного подразнить, и даосы кинутся доказывать, что они не немощные и бессильные, но не ожидал настолько хорошего эффекта. Не говоря ни слова, два старика приблизились к стене и даочжан Ян чуть присел, позволяя даочжану Чжунчу взобраться на свою спину. Тот громко пыхтел, но действовал быстро, и уже через пару мгновений выглянул на кухню, оценивая обстановку там.

— Никого, — тихо оповестил даочжан Чжунчу и, подтянувшись на руках, ловко забрался на стену, а затем вовсе спрыгнул с нее на другую сторону. Через мгновение плач котенка прекратился, послышались тихие уговоры даочжана Чжунчу, а после он взобрался на стену снова и вернулся в Сад камелий. К белым своим одеяниям он прижимал худого, трясущегося всем телом котенка с широко распахнутыми желтыми глазами.

Нашли его, кажется, в выгребной яме, потому как шерсть животного оказалась до того грязной, что не различить становилось ее цвет. Котенок был размером не больше ладони и напоминал случайную ветку, к которой по осени прилипли грязь и палые листья, образуя подобие лап, головы и опасно прижатых к голове ушей. Служанки, нашедшие его, не успели котенка еще вымыть и лишь оттерли его мордочку, остальное тело оставив. И все же, на лице даочжана Чжунчу не было и капли брезгливости, когда он осторожно поглаживал котенка по голове, успокаивая его.

Ли Инчунь скривился:

— Какой он грязный! Даочжан Ян, принесите скорее воды, чтобы его выкупать.

Даочжан Ян на миг замялся — с чего бы пленник принялся отдавать ему приказы? — но быстро сообразил, что сам Ли Инчунь уйти никуда не может, а даочжан Чжунчу держит котенка и нести что-то кроме ему будет неудобно. К тому же, сам даочжан Ян котенка тоже хотел привести в подобающий вид: замерев лишь на мгновение, он послушно отправился за водой.

На обратном пути даочжан Ян пересекся с стариком Линем и попросил зайти его позже: котенок мог быть болен и лекарю стоило его осмотреть. Даочжан Ян принес бадью с горячей водой на веранду и поставил рядом с даочжаном Чжунчу: тот бесстыдно уселся прямо на пол, рядом с кушеткой Ли Инчуня. Он хотел сразу же котенка начать мыть, но Ли Инчунь неожиданно остановил:

— Пойдите, даочжан, — сказал он и выпутал вдруг из накидки, в которую укутался до самого носа, руку. Бледная и тонкая, словно веточка молодой вишни, ладонь Ли Инчуня опустилась к воде и он погрузил ее в бадью. Прямо на глазах та приобрела чувственный алый оттенок, но Ли Инчунь нахмурился. — Вода слишком горяча, — сказал он. — Если мы опустим туда это существо — получим из него похлебку.

— Принеси скорее холодной воды из колодца! — попросил даочжан Чжунчу, ревностно прижимая котенка к груди, будто не за что теперь его не отпустит. Даочжану Яну слишком

резкими показались слова собрата и он прищурился, однако спорить, а тем более пихать больного зверя в кипяток, не мог, потому послушно развернулся и пошел во внешний двор, чтобы принести еще воды. На ходу даочжан Ян хмурился и поддерживал себя под поясницу.

Когда вода была наконец готова, даочжан Чжунчу аккуратно опустил в нее котенка, который вновь начал испуганно плакать. Старик успокаивал его:

— Ну чего же ты, братец, тут совсем неглубоко. И я держу тебя — бояться нечего. Сейчас отомою и будешь таким красавцем, что города от одного твоего вида падут...

Ли Инчунь наблюдал за тем, как в четыре руки даосы отмывают котенка, не боясь испачкать или промочить свои белоснежные одеяния, с непроницаемым выражением лица. В этих новых знакомых совсем не было той умудренности и высокомерия, что присуща старикам: пусть на свой возраст они жаловались, но ни словами, ни делами его не вспоминали. Казалось, тихое ворчание на больные колени было единственным, чем преклонные года в образах даосов себя выдавали.

Иногда Ли Инчунь давал короткие комментарии:

— Морду тоже помойте тщательно. И хвост не забудьте. Поливайте его аккуратно: попадет вода в уши — плохо будет.

Видно было, что с такими маленькими котами даочжань прежде не имели дел и очень быстро во всем стали слушаться Ли Инчуня, в точности выполняя его рекомендации. Когда с котенка смыли пену от мыльного корня, даочжан Ян тщательно вытер его, приподнял на руках и всмотрелся в вытянутую мордочку. Котенок казался теперь еще меньше, чем раньше, трясся всем телом и прижимал с розовому животу хвост. Глаза его были ярко-желтыми, словно два фонаря на празднике духов, а шерстка оказалась черной с рыжими пятнами.

Пока даосы рассматривали котенка, Ли Инчунь сказал:

— Где же он валялся, чтобы стать таким грязным? — юноша покачал головой, наблюдая за бадьей, вода в которой стала черной и покрылась клочьями серой пены. — Даочжан Ян унесите воду: как бы кто случайно ее тут не разлил. Мы хорошо потрудились, и, я думаю, заслужили чая. Даочжан Чжунчу, не принесете ли его из комнаты? — даосы послушно поднялись и даочжан Ян на миг замер, не зная, куда пока деть котенка. Ли Инчунь тут же протянул руку. — Давайте его пока мне: он мокрый и бегать вокруг ему здесь не стоит, я придержу.

С чувством благодарности от того, что Ли Инчунь помогал им, заклинатели принялись выполнять его приказания, тогда как сам юноша, не сделавший и одного лишнего движения, заполучил себе придиричиво обнюхивающего его кота и со вздохом откинулся на высокую спинку кушетки. Котенок осторожно прошелся по груди Ли Инчуня, позволил погладить себя по голове и хвосту, а после забрался юноше за пазуху, оставив на осеннем ветру только уши, и замурчал. Когда даосы вернулись, их взглядам предстала довольно милая картина

взаимодействия животного и человека.

Даочжан Чжунчу и даочжан Ян сели рядом с Ли Инчуном и взяли по чашке ароматного чая: они не знали, о чем теперь говорить. Возясь с котенком, все трое почувствовали меж собой тонкую связь, к тому же обсуждать нечто физическое, стоящее прямо перед глазами, было очень легко, но сложно вновь забыть о том, что Ли Инчунь — предположительно, — преступник, и обсудить с ним повседневные дела.

Наконец даочжан Чжунчу нерешительно сказал:

— Господин Ли, могу я поддержать котенка?..

— Он заснул, давайте пока не будем его тревожить, — ответил Ли Инчунь, даже не шелохнувшись.

Даочжан Чжунчу вынужден был с ним согласиться. Выпив чаю, он вздохнул:

— И откуда в поместье мог взяться такой маленький котенок? Неужели кто-то выкинул его? Как можно...

— В восточной половине резиденции Фэн много кошек, — отозвался даочжан Ян. — Ши... Его Высочество рассказывал, что, когда навещал матушку Сяоху впервые, три дня после еще служанки ругались, пытаясь оттереть шерсть с его одеяний.

— Думаешь, он там родился, а потом просто потерялся? — спросил даочжан Чжунчу. — Стоит ли тогда вернуть его хозяйке?

— Думаю, это лишнее, — вступил в разговор Ли Инчунь. Под любопытными взглядами даосов он пояснил: — Подумайте сами: на кухню его принесли служанки, которые крутятся в том числе и в восточном крыле. Если бы они слышали, что там пропал котенок, а после нашли его в поместье — разве не отнесли бы сразу матушке Сяоху? Скорее всего, родился он где-то на улице.

Обоим старикам оставалось лишь признать, что Ли Инчунь говорит верные вещи и оставить мысль о походе в восточное крыло: впрочем, этому они были лишь рады. На высунувшегося из одежды Ли Инчуна и иногда сладко позевывающего котенка даосы смотрели практически с родительской нежностью и расставаться с ним уже не хотели.

Через время даочжан Ян спросил:

— Какое имя мы ему дадим?

— Лу Лин, как «ловкий тигр»! — тут же воскликнул даочжан Чжунчу. Руками он потянулся к котенку, желая погладить его по голове. — Он пока маленький тигренок, но вырастет наверняка суровым и сильным зверем!

Котенок ласку не принял, обнюхав пальцы даочжана Чжунчу, фыркнув и спрятавшись глубже в одежды Ли Инчуня. Сам юноша будто тоже отодвинулся от даочжана Чжунчу чуть дальше.

Даочжан Ян рассмеялся:

— Кажется, он не желает быть тигром!

— Ну, тогда дадим ему мою фамилию! — не сдавался даочжан Чжунчу. — Будет Сяо Чжунчу!

— Нет, так не годится, — возразил Ли Инчунь. — Ваша уважаемая фамилия ведь состоит из знаков «середина» и «осень»? Вместе с «сяо» получается сущая безвкусица.

Даочжан Чжунчу хотел было возмутиться, что о фамилии его предков отозвались подобным нелестным образом, но тут со стороны главного двора послышались шаги: это пришел выполнить свое обещание лекарь Линь. Конечно, ради одного котенка выходить из флигеля, где за прошедшие дни старик устроил целую лабораторию по поискам бессмертия, лекарь Линь бы не стал: пришло кроме прочего и Ли Инчуню время принимать лекарства.

Когда старик вышел на веранду, то увидел, что два даоса и пленник его господина ведут непринужденную беседу о найденном где-то котенке. В самом деле, если детей не колотить три дня, они разберут черепицу! Лекарь Линь вел себя как правильный старик, потому тут же принялся ворчать на Ли Инчуня и даосов: впрочем, последних слишком сильно поносить он не решался, памятуя, что их господин — хороший друг его хозяина. Ли Инчуню же лекарь Линь выговаривал:

— Куда ты, молодой господин, прижал этого звереныша? Ты и так болен весь с головы до ног, а если он какую заразу принес? Вылечить-то я тебя могу, но уж из могилы вытаскивать не стану!

— Какие ужасы вы говорите! — ответил даочжан Чжунчу, который к Ли Инчуню за проведенное вместе время проникся чем-то вроде родственных чувств. — Это всего лишь котенок, к тому же мы тщательно его вымыли: чего плохого может случиться?

— Вы, уважаемый даочжан, свои дела ведете далеко от смертного мира и наших порядков и горестей не знаете, — ответил старик Линь, поглядывая на даосов с подозрением. Котенка он, взяв за шкурку, отдал даочжану Яну, а Ли Инчуню принялся проверять пульс. — Заклинателям-то никакая болезнь не страшна, а господин Ли и дуновения ветра свалится!

Даосы усомнились в его словах: пусть Ли Инчунь в самом деле выглядел бледным, говорил он бойко и ни в чем другом болезненного своего состояния не проявлял. В самом деле можно

было забыть, что он слаб здоровьем.

— Вот, выпейте, — между тем сказал лекарь Линь Ли Инчуню, подсунув то самое отвратительное лекарство. Юноша скривился, но чашку послушно принял. Однако, едва поднеся ее в губам, Ли Инчунь заметил, что даочжан Чжунчу и даочжан Ян за ним наблюдают: от их взглядов, в которых плохо было скрыто любопытство, Ли Инчуню стало некомфортно. Он холодно улыбнулся:

— Почтенным мастерам, верно, скучно следить, как я тут глотаю лекарства. Пошли бы вы во внутренние комнаты.

Даосы тут же поднялись: они и сами не поняли, от чего слова Ли Инчуня приобрели такую силу. Котенок на руках даочжана Яна больше не желал лежать спокойно и, играясь с ним, заклинатели провели в главном доме время до самого вечера.

На кухню между тем вернулись после всех дел служанки, что нашли котенка первыми, и, конечно же, сразу заметили пропажу. Сначала девушки обыскали всю кухню, но ничего ожидаемо не нашли. Порог кухни был слишком высок, чтобы котенок через него смог перелезть, а ворота — заперты, зато под стеной, у которой служанки оставили котенка, было несколько оставленных временем дыр: даже ребенок бы там не пролез, а вот чахлый котенок — вполне. Девушки решили, что их питомец сбежал в заброшенный сейчас Сад камелий. В обычное время входить туда воспрещалось, потому как место это было слишком близко к хозяйским покоям: однако сейчас Фэн Жуна дома не было, а мимо старика Линя, что поселился во внешнем флигеле двора, девушки решили, что легко пройдут. Таким образом около пяти служанок отправились на поиски в Сад камелий.

Их шаги и стук в ворота заклинатели из внутренних комнат слышали четко: они быстро поняли, что случилось, и тут же бросились к Ли Инчуню — котенка отдавать совсем не хотелось!

— Господин Ли! — воскликнул даочжан Чжунчу. — Там девушки с кухни пришли, хотят забрать Лу Лина! Надо что-то сделать с этим!

— Его не так зовут, — возмутился даочжан Ян, но тоже смотрел на Ли Инчуня ожидающе.

— К чему он вам? Отдайте девкам, — нахмурился лекарь Линь.

— Не пойдет! — прижав котенка к груди, воспротивился даочжан Чжунчу. — Мы его выкупали, вылечили и имя придумали, а они опять на весь день его на кухне бросят! Нельзя Сяо Чжунчу таких неряхам отдавать!

— Перестань, — пихнув друга в бок, сказал даочжан Ян, но никто на его слова внимания не обратил. Старик Линь хотел призвать даосов, что выглядели старше него, к порядку, но

неожиданно вступился Ли Инчунь: прижав пальцы к подбородку, он вздохнул:

— Как же быть? На котенка господин Фэн очень хотел взглянуть, я обещал его пока у себя придержать. Девушкам мне показываться нельзя, но и котенка отдать будет неудобно.

Едва услышав имя Фэн Жуна, старик Линь охладел в своем рвении: ранее даочжан Чжунчу лишь сказал ему, что на котенка надо взглянуть, но не рассказывал, кому тот принадлежит. Если господин Фэн решил, что звереныш должен оставаться здесь — значит так тому и быть, но дать служанкам увидеть Ли Инчуня тоже было нельзя.

Четко увидев меж морщин лекаря Линя эти мысли, Ли Инчунь сказал:

— Сделаем так: вы возвращайтесь себе во флигель и разрешите девушкам осмотреть сад, а мы с котенком тем временем спрячемся. Они поглядят, увидят, что никого здесь нет, и больше донимать не будут.

Старик Линь немного подумал, но согласился и отправился к воротам, пускать девушек. Даочжан Чжунчу между тем пораженно вздохнул:

— Так Фэн Жун о котенке тоже знает?

Ли Инчунь взглянул на него со странным выражением:

— Конечно нет, я придумал это только сейчас: по иному уговорить старика Линя помочь нам не вышло бы, — не обращая внимания на пораженное выражение лица даочжана Чжунчу, Ли Инчунь плотнее укутался в свою накидку. — Даочжан Чжунчу, давайте котенка сюда, — даос тут же подчинился. — А теперь меня поднимите на руки и запрыгните туда, на конек крыши. Сможете?

— А то! — ответил даочжан Чжунчу и четко выполнил приказание. Ли Инчуню в чужих объятиях было некомфортно, но он стиснул зубы и погладил несколько раз по мягкой шерстке котенка, который в его руках послушно замер.

Оба заклинателя в один прыжок оказались на крыше и, спрятавшись за ее резным коньком, притаились. Очень скоро в заброшенный сад вышли служанки: они видели чашки и некоторые предметы в комнате, но значения им не придали, решив, что тут живет старик Линь. Лишь одна из девушек на миг задержала взгляда на трех чашках, вместо одной, но в большей мере она озабочена была поисками котенка, потому долго раздумывать над этим не стала. Меж кустов и палой листвы служанки искали котенка, зовя его ласковым прозвищем некоторое время. Котенок на руках Ли Инчуня сначала сидел послушно, а затем тихо мяукнул, словно откликаясь на зовущие его голоса. Звук был таких тихим, что девушки внизу его не услышали, но Ли Инчунь ласково котенка погладил по голове, тихо наказав:

— Веди себя хорошо, Дами.

<http://bllate.org/book/17230/1659313>